

Моск. крессовые,
1978, 11авт.

ПЕЧАТАЕТСЯ
С ПРОДОЛЖЕНИЕМ

Л. АННИНСКИЙ

ТОЛСТОВСКИЙ ЭКРАН

...ВООБЩЕ-ТО его фамилия была Мундвиллер, Жозеф Мундвиллер. «Мейера» он взял себе уже в России, а вышло это так: когда придворный кинооператор Романовых — Болеслав Матушевский отбыл в Польшу, выяснилось, что придворные фотографы Ган и Ягельский не умеют обращаться с кинокамерой; стали искать инструктора, причем немца (при дворе говорили только по-немецки); Мундвиллер был эльзасец; по документам, стало быть, немец; в качестве немца его и пригласили ко двору. В качестве немца и выдворили из России шесть лет спустя, в 1914 году. В 1963 году Б. Агапов и И. Копалин попали во Францию в составе советской киноделегации; они поехали в Энгием, разыскали там Мундвиллера, записали его рассказ. Когда они стали уходить, Мундвиллер с трудом поднялся со своего кресла, заплакал и сказал:

— Мне семьдесят восемь лет. Наверное, я в последний раз вижу друзей из России... Передайте привет Левицкому...

Левицкий был профессор ВГИКа, которого в 1909 году Мейер обучал у Патэ. Длинный, тощий, Левицкий тенью ходил тогда за Мейером. Левицкому суждено было стать первым блестящим оператором русской школы. Тогда, в 1909 году, ему было 24 года. Мейеру столько же.

...Увидав перед собой представителя власти, Мейер не растерялся. Он попробовал дать жандарму взятку. Когда это не получилось, он обратился к законным средствам и отбил телеграмму в Тулу, в жандармское управление. Сидевший там полковник Чурилов проявил некоторую оперативность и сам позвонил на станцию. Мейер произнес в телефонную трубку монолог о кинематографе. Полковник выслушал все это, а затем поставил условие: каждый кадр предварительно предъявлять ему, полковнику Чурилову, на утверждение. Мейер ахнул и... обещал. Полковник разрешил снимать. Мейер вернулся к аппарату. Лев Николаевич все еще ждал поезда...

МЕЙЕР прибыл в Тулу тем же поездом, что и Толстой. Он явился к полковнику и стал толковать тому невозможность просмотра кадров до проявки и отпечатания пленки. Уловив суть дела, полковник ответил: «Ничего, мы ее сами проявим». Ситуация была критическая, но Мейер опять нашелся. Он всучил полковнику чистую пленку и сказал, что если жандармские химики ее испортят, то будут иметь неприятности с иностранной фирмой. Полковник принял это к сведению и приобщил пленку к делу, а Мейер бросился за Толстым. Но тот уже уехал. На некоторое время фирма Патэ выбыла из гонки.

...**М**ЕЖДУ тем Дранков на всех парах мчался из Петербурга. Но он опоздал не только в Ясную Поляну, но и в Москву: в Хамовниках Дранкову объяснили, что граф переночевал и тотчас отбыл в Крекшино. Чертков же специально оставил для возможных визитеров письмо с просьбой: Льва Николаевича не беспокоить. Дранкова это не могло остановить: прямо из Хамовников он вместе с помощником ринулся на Брянский вокзал. В полночь они выехали, в два часа ночи сошли на платформе Крекшино, темное время пересидели в лесу и на рассвете вышли к имению, где Чертков принимал высокого гостя. Стали расспрашивать старика-кучера, где Толстой живет, когда встает, как гуляет.

— Да вон он, — заметил кучер.

И точно: Толстой показался с палкой в руках. В полном одиночестве. Такое не повторяется... Мгновенно выдвинулись по обе стороны тропинки, взяли цель в объектив.

Строчили до упора, пока Толстой не наткнулся:

— Откуда вы? Из Москвы?

Дранков отрапортовал:

— Специально приехали из Петербурга, чтобы запечатлеть вас, Лев Николаевич, и показать любящему вас народу!

Толстой посмотрел на него, ничего не сказал и пошел дальше.

«...Была величайшая помеха — забота о славе людской, и на меня навалился такой излишек этой славы и в таком пошлом виде славы перед толпой...».

С двух точек стрекотали в спину, пока не скрылся.

Пошли в имение: располагаться, готовить новые точки. Чертков все порушил: ему совершенно не нужен Дранков в Крекшине, потому что у него уже есть в Крекшине мистер Тапсель, от Эдисона! Дранкову объявлено:

— Не беспокойте больше Льва Николаевича! Вам и так повезло: снять Толстого на утренней прогулке...

Дранков понял. Он мгновенно скрылся, уступив поле боя мистеру Тапселю.

МИСТЕРУ Тапселю Толстой не отказывал из боязни обидеть Черткова. Тапсель снимал в основном групповые прогулки: пешком, верхом и в тарансах. Ему не препятствовали: впрочем, во время одной из пеших прогулок откуда-то появились две незнакомые особы, пристроились по обе стороны к Толстому и пошли рядом, не сводя с него глаз; Тапсель продолжал методично снимать, а Чертков выходил из себя, но молчал: в присутствии Льва Николаевича он не решался устраивать «этим психопаткам» сцену... Так родился еще один документальный сюжет с Толстым.

Но в общем в Крекшине Толстого не трогали, и он, выражаясь языком тогдашних газет, «отдыхал здесь от гостей и просителей, беспрестанно беспокоивших его в Ясной Поляне».

Один гость все же явился: это был танцор, артист балета, он приехал к Толстому пожаловаться на никчемность своего дела, мало похожего на труд крестьян.

Толстой ответил:

— Все танцуют... Это болезнь века, что все делают то, чего не хотят. Разве я не танцую? Разве я не танцую, садясь вот на эту пятисотрублевую лошадь, отправляясь на прогулку?

Было так: крекшинский кучер по неопытности подтянул стремяна слишком высоко, и Толстой, садясь «на эту пятисотрублевую лошадь», действительно запрыгал, замешкался. Старик-кучер не знал, что перед ним замечательный наездник, и бросился подсаживать барина... В этот момент Толстой услышал методическое стрекотание кинокамеры Тапселя.

Впоследствии он рассказал Черткову о своем состоянии в тот момент. Он подумал, каково ему оказаться в комическом положении. Но тотчас сказал себе, что в этом нет ничего обидного. Это первое свидетельство о самочувствии Толстого во время киносъемок.

В общем, за десять крекшинских дней он потерпелся к постоянному тапселевскому стрекотанию и даже стал искать в этом свой юмор. На последующие киносъемки это оказало некоторое влияние...

(НАЧАЛО см. в №№ 180, 181, 183).